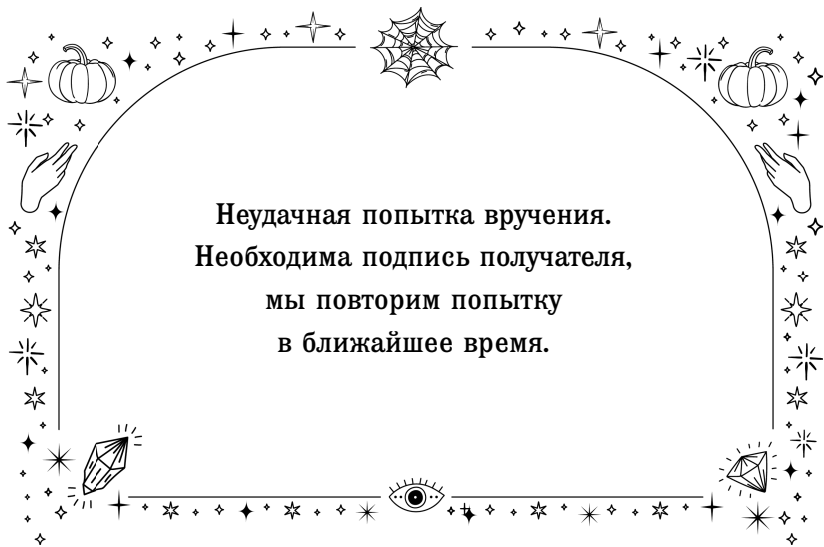

*Матильде Классен,
без тебя у меня не было бы причин
не спать в половине пятого утра
и размышлять о магии*

Неудачная попытка вручения.
Необходима подпись получателя,
мы повторим попытку
в ближайшее время.

Глава 1

Начинается. Или начнётся, если мне удастся уговорить Мирабель встать. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, поэтому говорила я с её затылком.

— Меня отправили за тобой, ты же это понимаешь? Тётя Конни отсчитывает секунды.

— Двадцать девять минут! — будто в подтверждение моих слов закричала снизу тётя Конни.

Я посмотрела в окно между нашими двумя кроватями. Луна стояла высоко, и обычно в это время я уже давно спала.

— Тёти места себе не находят: они думают, что этот год может быть моим.

Моя кузина Мирабель застонала в подушку и невнятно возразила:

— Тебе слишком мало лет, Клем. Это не твой год.

Через двадцать девять минут — в полночь — сентябрь закончится, начнётся октябрь, и, если тётя Конни права, на меня впервые снизойдёт магия. Она уверена, что настала моя очередь.

Я прожила уже двенадцать октябрей и ни разу пока в полной мере не чувствовала себя частью этого великого события. И хотя я не провела весь остальной год в мыслях об октябре, как остальные члены моей семьи, сейчас у меня по спине побежали возбуждённые мурашки.

Я сидела на краю кровати и нетерпеливо болтала ногами. Сколько себя помню, мы с Мирабель всегда делили эту комнату, которая, в отличие от нас, не становилась больше. Здесь едва хватало места для наших двух кроватей. Стены на моей половине все заклеены рисунками и разными художественными мелочами, а на половине Мирабель они голые. Половина моих вещей валялась на полу, другая половина — в ногах на кровати. А одежда Мирабель лежала аккуратными стопками под её кроватью.

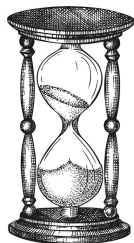

— Двадцать восемь минут! — прилетел снизу крик тёти Конни. — Шевелитесь, маленькие колдуньи!

— Нельзя опаздывать! Звёзды не ждут! — добавил другой голос — тёти Пруды. Порой в нашей семье о тишине можно было только мечтать.

Наконец Мирабель перевернулась. Её брови уже были нахмурены, а при виде меня её лицо исказилось в сердитой гримасе.

Смутившись, я рефлекторно провела рукой по волосам. Я весь вечер потратила на то, чтобы закрутить их в два пучка по бокам головы, как у Мирабель. Но у неё часть прядей ещё выкрашена в фиолетовый, и она сплетала их в аккуратные бублики.

Мирабель было почти четырнадцать, и она считала себя *намного* старше меня, хотя в действительности разница у нас всего год с небольшим. Её Первый октябрь случился в прошлом году, и с тех пор она перестала кого-либо слушать, особенно меня: на меня у неё попросту не было времени.

Я успокаивала себя тем, что всё — возможно! — изменится, если в этом году я обрету магию.

— Угх, — садясь, буркнула Мирабель и распустила свои бублики. Она скорее подавится соб-

ственными кудрями, чем её увидят с такой же причёской, как у меня. Перекинув волосы вперёд так, что они скрыли почти всё её лицо, она перевела осуждающий взгляд с моей головы на одежду и с досадой спросила: — Ты же не собираешься пойти в этом?

Я взглянула на свою пижаму с танцующими пингвинами:

— А что не так?

Мирабель выдержала паузу, проглотив рвущиеся из груди слова, и вздохнула:

— Ты замёрзнешь. Идём, покончим с этим поскорее.

Я первой спустилась по лестнице на первый этаж и как раз спрыгивала с последней ступени, когда во входную дверь постучали. Вся наша семья уже выстроилась в линию в прихожей, готовая к выходу. Стоящая во главе тётя Конни, сжимая в пальцах таймер в виде яйца, объявила:

— Двадцать пять минут!

Я покосилась на дверь:

— Тётя Конни, кто там?

— Никого из людей! — воскликнула тётя Пруди, водя длинным костлявым пальцем.

В октябре на нас, ведьм, опускались густые слои магии, скрывая нас от обычных людей. Поэтому это был

последний визит почтальона на ближайший месяц, хотя он об этом не подзревал.

— Может, не стоит открывать... — начала мама, но было уже поздно: я распахнула дверь.

— Вам посылка, — с улыбкой сообщил почтальон.

— Тс-с-с! — зашипев, замахала на него руками тётя Пруди, будто прогоняла бездомного кота.

— Тётя Пруди! — ужаснулась я, обернувшись к ней. И шёпотом добавила: — Нельзя на него шипеть! Это всего лишь почта. — Однако снова повернувшись к почтальону, я нахмурилась. Он действительно пришёл очень поздно.

— Мы опаздываем! — выглянула из-за меня тётя Конни. Её белые волосы от возмущения стояли дыбом, напоминая нимб. — Мы должны быть на месте через... двадцать две минуты!

Тётя Флисси, замыкающая шеренгу, молча поправила лямки своего огромного рюкзака.

— Э-эм, простите, вы, скорее всего, ошиблись адресом, — сказала я почтальону. Наша семья очень редко что-то получала, учитывая, что четверо проживающих в этом доме никогда не пользовались Интернетом, а у двух оставшихся не было банковских карт.

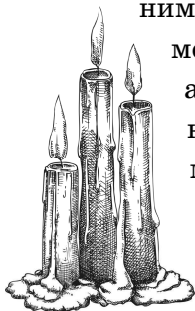
— Прошу прощения, — сказал он, — должно быть, это вашим соседям. Но вы не распишетесь?

— Хорошо, — согласилась я, хотя это означало, что наши соседи не увидят эту посылку минимум до ноября.

Почтальон, доставляющий нашу почту сколько я себя помню, заглянул мимо меня в коридор, где все мои родные нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

— Семейная... вечеринка? — спросил он.

Тётя Пруди сердито уставилась на него из-за спины тёти Конни. У неё венчающий голову нимб из волос был серым. Она была в неизменном зелёном комбинезоне садовника, а тётя Конни, не сняв любимого фартука, продолжала тискать в пальцах таймер в виде яйца.

— Да, что-то вроде того, — уклончиво ответила я. — Где расписаться?

— Здесь. — Почтальон протянул маленький планшет.

Я быстро вывела указательным пальцем на экране «КМ» и убрала руку, пока не затрещали разряды и не полетели искры.

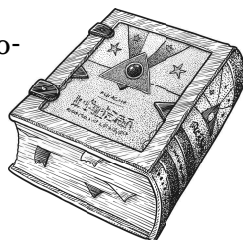
— Благодарю! Весёлой... вечеринки! — и он протянул мне длинную узкую коробку.

— Избавься от него! — прошипела тётя Конни у меня за спиной, но, к счастью, почтальон

уже отвернулся и зашагал к выходу. У калитки он поднял руку, чтобы помахать, но тут же опустил её и покачал головой.

Я поставила посылку в угол прихожей, где успело порядочно скопиться другого барахла, и вышла вслед за остальными за дверь.

Дай тётё Конни волю — и она бы выстроила нас как утят и повела за собой строгой шеренгой. Даже её попытка посчитать нас по головам не увенчалась успехом: Мирабель тут же юркнула назад, а тётя Флисси промаршировала вперёд.

Мирабель захлопнула дверь, после чего задержалась у дома ещё на секунду и только потом присоединилась к нам на улице.

Тишина сопровождала нас на всём пути, что было необычно не только для моей семьи, но и для всего нашего города. Один за другим мы проходили бесконечные ряды стандартных домиков. Даже тётя Конни молчала: всем её вниманием завладело то, что должно произойти. Подготовительный период перед октябрём всегда занимал несколько месяцев, и в конце него нервы моих тётъ были натянуты до предела и родственницы буквально вибрировали от переполняющей их неуёмной энергии. Даже мама пристально всматривалась в темноту, крепко сжимая мою руку.

Лишь когда густонаселённые улицы остались позади и тихий гул автомобилей стих, мама шумно втянула носом воздух. Тёти Пруды и Конни тоже зашмыгали, но тётя Флисси и Мирабель — нет.

Я пока не могла уловить её запаха, но, по всей видимости, магия уже разливалась в воздухе.

— Скоро! Осенний дар! Месяц беззакония! Свободы! — выкрикивала тётя Пруды, ускоряя шаг. В правильном настроении даже в её обрывочных возгласах улавливалось что-то лирическое.

Мы вошли в ворота и углубились в тёмный парк, и я тоже начала принюхиваться. Ночной воздух пах опавшими листьями, влажностью и землёй. Деревья напоминали мрачных стражей, но за их неподвижными стволами я заметиладвигающиеся в лунном свете силуэты.

— Мам, Морганы уже здесь! — прошептала я.

— Морганы всегда здесь, — отозвалась она.

Я услышала, как тётя Конни передаёт сообщение:

— Пруды, Флисси, Морганы здесь!

— Кто бы сомневался! — воскликнула тётя Пруды, но скорее по привычке: на эту ночь вражда между нашими семьями была поставлена на паузу.

Мы направлялись к нашему семейному дереву — одному из старейших в парке, с двумя ветвями, растущими в разные стороны, и всего парочкой-другой молодых зелёных веточек. Ветви олицетворяли нас — Морганов и Мерлинов.

Мои тётки Пруденс¹ и Констанс² занимали положение старейшин, хотя нельзя сказать, что они всегда были благоразумны и постоянны. И они сами точно не знали, кто из них самая старшая. Та, которая с преимущественно седыми волосами, — это Констанс, а та, у которой всё лицо в морщинах, — Пруденс. Они обе глуховаты и постоянно кричат.

Еще у меня есть тётя Фелисит³, это мама Мирабель, и она каждый октябрь уезжает от нас как можно дальше. Её что-то беспокоит, о чём у нас не принято говорить, но что гонит её от нас с наступлением октября. Каждый год тётки пытались удержать её дома, но всегда безрезультатно.

Наконец, моя мама. Пейшенс⁴. И она оправдывает своё имя. Мы все живём в слишком маленьком и ничем не примечательном доме,

¹ Англ. «благоразумие».

² Англ. «постоянство».

³ Англ. «счастье».

⁴ Англ. «терпение».